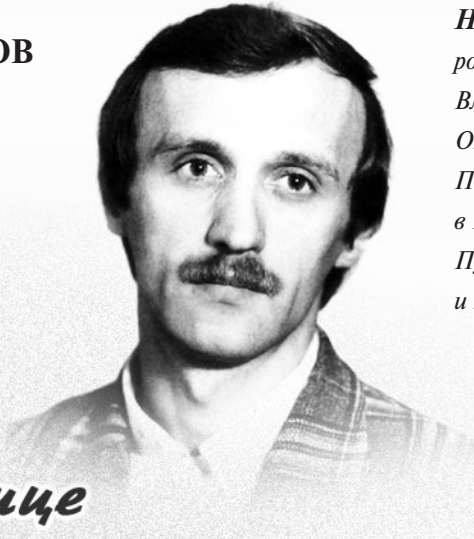

Николай МЁДОВ

г. Петрозаводск

*«В рощице
заснеженных берёз...»*

* * *

Заскрипели старые ворота.
Замела метелица следы.
Клязьма замерла у поворота
в хрупком окаймлении слюды.

Чувство оглушительной свободы
с привкусом тоски отозвалось
в уголке владимирской природы,
в рощице заснеженных берёз.

И душа, ранимей став и чище,
тянет всё сильнее и сильнее
в тихую деревню Омутищи,
под её вечерний снеговой.

Хочется, чтоб долгие метели
обратились в тёплые снега,
чтобы над деревней,
как века,
облака
высокие
летели.

Николай Константинович МЁДОВ

*родился в деревне Омутищи
Владимирской области.*

Окончил Кировский горный техникум.

Почти 40 лет проработал

в Карельской комплексной геологической экспедиции.

Публиковался в журнале «Север»

и коллективных сборниках.

* * *

Войти в осенний лес,
слегка сомкнув ресницы,
в одышливый простор
шагнуть слепой стопой
и в свежести грибной
тихонько раствориться,
как в детстве дорогом,
измученной душой...

А потемневший лес
печалится о чём-то,
хоть сбросила в ручей
кошачью дрожь ольха,
и прячет, застудив,
под белую юбочку
опенок свою ножку
с ворсистой льдинкой мха...

На Сергия снежком
обсыпал старый ельник
пугливым косачам
свинцовые чубы.
И до весны закрыт
железный муравейник.
И, значит, жди дождей
отсюда – до Чупы.

И ничего не жаль,
и ничего не надо:
ни помнить – ни о чём
ни думать – ни о ком.
Присесь на пень, и тень
ловить влюблённым взглядом,
и слёзы на лице
размазать рукавом.

* * *

Уеду в Марково с рассветом...
 Там лошадей ещё пасут,
 и на задворках бабым летом
 ботву картофельную жгут.
 Там на задворках тихо-тихо...
 А за рекой который год
 ещё живёт одна лосиха.
 Одна. Последняя. Живёт.
 Там в мае сад цветёт вишнёвый.
 А в январе, в закате дня,
 Шаталов Шурка с горки новой
 на санках катит. Без меня.
 И без меня дружок мой Буба
 рыбачит возле лопухов
 и возвращается из клуба
 домой — до третьих петухов...
 Там за большим столом,
 на Пасху,
 не только ссорятся и пьют —
 «Очаровательные глазки»
 ещё поют.

И как поют!

И там, вдали от ора, гама,
 у почерневшего плетня
 моя ещё живая мама
 ждёт непутёвого меня.
 Стоит под влажными ветвями.
 Одна-однёшенька стоит.
 И очень добрыми руками
 платочек чистый теревит...
 Ещё до петухов, до третьих,
 мы с нею встретимся ль в саду?
 ...Мне по ночам от мыслей этих
 невольно! Невольно!

ВОСПОМИНАНИЕ

Чадит в чулане керосинка.
 Пылится Морис Метерлинк.
 И материт Кустова Зинка
 американский материк.

Шипит картошка в постном масле.
 А под иконками тремя
 ещё лампадки не погасли:
 «Владыце, Ей, услыши мя!»

А дед вечернею порою,
 с церковной службы возвратясь,
 с подшитых валенок метлою
 мирскую смахивает грязь.

А на дворе застыли ивы,
 и тихо сходит свет на «нет».
 Но я до одури счастливый:
 сегодня мне пятнадцать лет!

И я смеюсь над кем-то звонко,
 А снег летит, летит...
 И незнакомая девчонка
 глазами зыбкими глядит —

Зачем мне взгляд чужой и близкий?
 Зачем нарочно, допоздна
 поёт Валерий Ободзинский
 из приоткрытого окна?

А снег сугробами ложится,
 скрипит у дома моего.
 А голова моя кружится,
 и я не знаю — отчего?